

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 2 (61)
2023**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-корр. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффа Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лакельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлагула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан);
Валь Й., PhD, О-во охраны памятников Штутгарта (Германия); Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2023

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 2 (61)
2023**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)

Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)

Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)

Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),

Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)

Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)

Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)

Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)

Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)

Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)

Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege

(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>

Серегин Н.Н. *, Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С.

Алтайский государственный университет, просп. Ленина, 61, Барнаул, 656049
E-mail: nikolay-seregin@mail.ru (Серегин Н.Н.); tishkin210@mail.ru (Тишкин А.А.);
matrenins@mail.ru (Матренин С.С.); taty-parshikova@yandex.ru (Паршикова Т.С.)

ВОИНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ЖУЖАНСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ

Статья посвящена введению в научный оборот, культурно-хронологической и социальной интерпретации воинского погребения, исследованию на некрополе Чобурак-I в Северном Алтае. Анализ представительного инвентаря из захоронения мужчины с лошадью позволяет определить датировку кургана в рамках IV в. н.э. Установлена принадлежность изученного объекта к дялянской погребальной традиции населения булан-кобинской культуры. Состав предметного комплекса демонстрирует высокий прижизненный статус умершего человека.

Ключевые слова: Алтай, булан-кобинская культура, жужанское время, воинское погребение, хронология, интерпретация.

Введение

Обширный корпус археологических источников, представленных результатами раскопок погребальных комплексов, демонстрирует большое значение военного дела в системе жизнеобеспечения населения булан-кобинской культуры Алтая во II в. до н.э. — V в. н.э. Подтверждениями этому являются присутствие во многих захоронениях данной общности предметов вооружения, наличие серии кенотафов, а также зафиксированные свидетельства боевого травматизма, в том числе смертельных травм, полученных в ходе столкновений с применением летального оружия [Тур и др., 2018]. Кроме того, показателем высокого уровня милитаризации кочевников обозначенного региона выступает распространение погребений профессиональных воинов, материалы которых отражают высокий прижизненный статус представителей данной группы в социуме кочевников эпохи Великого переселения народов.

Рис. 1. Карта-схема расположения памятника Чобурак-I на территории Алтая.

Fig. 1. Map-scheme of the location of the Choburak-I site in Altai.

* Corresponding author.

Воинское погребение жужанского времени из Северного Алтая

Важные материалы, позволяющие обратиться к различным аспектам военной деятельности населения Алтая в жужанское время (вторая половина IV — первая половина V в. н.э.), получены в ходе раскопок погребального-поминального комплекса Чобурак-I (рис. 1), расположенного на правом берегу р. Катунь, к югу от с. Еланда Чемальского района Республики Алтай [Серегин и др., 2022]. В результате работ экспедиции Алтайского государственного университета на данном памятнике исследован некрополь булан-кобинской культуры. В большинстве изученных объектов зафиксированы непо потревоженные захоронения мужчин с представительным составом инвентаря. Настоящая статья посвящена введению в научный оборот и разноплановой интерпретации материалов раскопок кургана № 30, в котором был похоронен профессиональный воин с наиболее многочисленным набором средств ведения дальнего и ближнего боя.

Характеристика источников

Курган № 30 находился в центральной части некрополя булан-кобинской культуры Чобурак-I и являлся самым большим по размеру объектом, входящим во второй ряд насыпей рассматриваемого комплекса. До раскопок он просматривался на местности как небольшое всхолмление с отдельно выступающими на поверхности камнями. После раздерновки и зачистки выявлена плоская наброска округлой формы размерами 6,2×5 м, высотой до 0,5 м (рис. 2, А). При разборке данного сооружения оказалось, что в некоторых местах по внешнему краю конструкции находились более крупные рваные булыжники и валуны, которые первоначально составляли овальную крепиду, вытянутую длинной осью по линии юго-восток — северо-запад. В границах этой выкладки выявлено пятно могильной ямы овально-вытянутой формы длиной 4,6 м, шириной 1,2 м. Абрис ямы на фоне грунта древнего горизонта хорошо выделялся по более темному цвету заполнения (коричневая гумусированная супесь) и просевшим камням наземной конструкции. В процессе выборки прослежено, что стенки могилы существенно сужались по мере возрастания глубины, вследствие чего ее размеры на уровне дна составили 3,1×0,96 м. Значительная часть заполнения ямы имела плотную забутовку из гальки, валунов и массивных рваных камней.

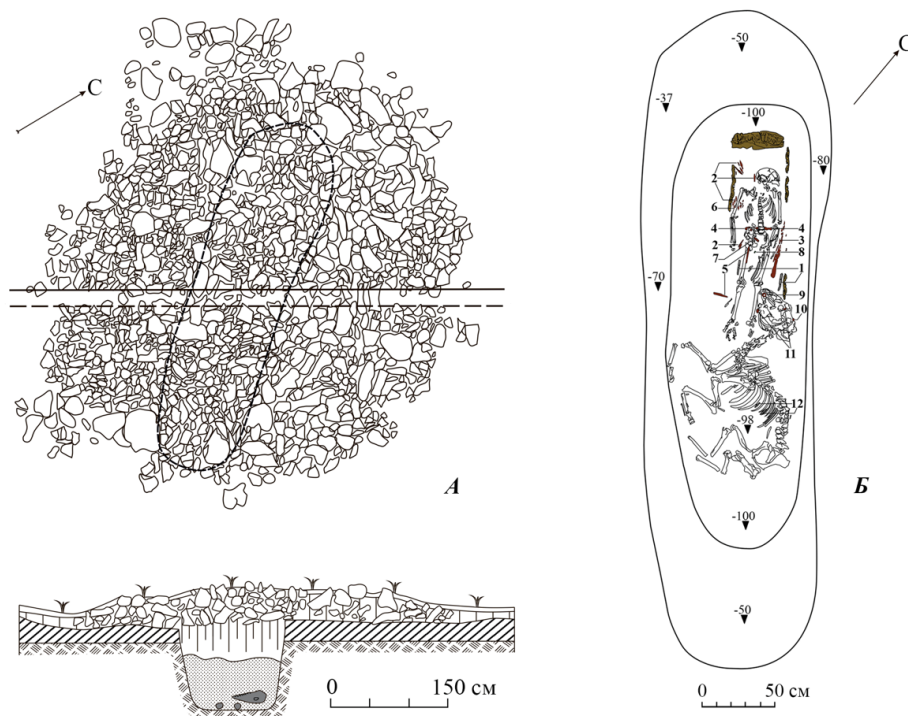

Рис. 2. Чобурак-I, курган № 30. А — план и разрез кургана; Б — план погребения:

1 — накладки на лук; 2 — наконечники стрел; 3 — меч в ножнах; 4 — поясные гарнитуры; 5 — боевые ножи; 6 — коротколезвийный нож; 7 — орудие в виде стержня; 8 — украшение (пронизь); 9 — удила; 10 — уздечная пряжка; 11 — детали узды (бляхи, крепления, тренчик); 12 — цурки.

Fig. 2. Choburak-I, barrow № 30. А — plan and section of the barrow; Б — burial plan:

1 — bow lining; 2 — arrowheads; 3 — sword in sheath; 4 — belt sets; 5 — combat knives; 6 — short-blade knife; 7 — tool in the form of a rod; 8 — decoration (piercing); 9 — bit; 10 — bridle buckle; 11 — details of the bridle (plaques, fastenings, trench coat); 12 — fasteners.

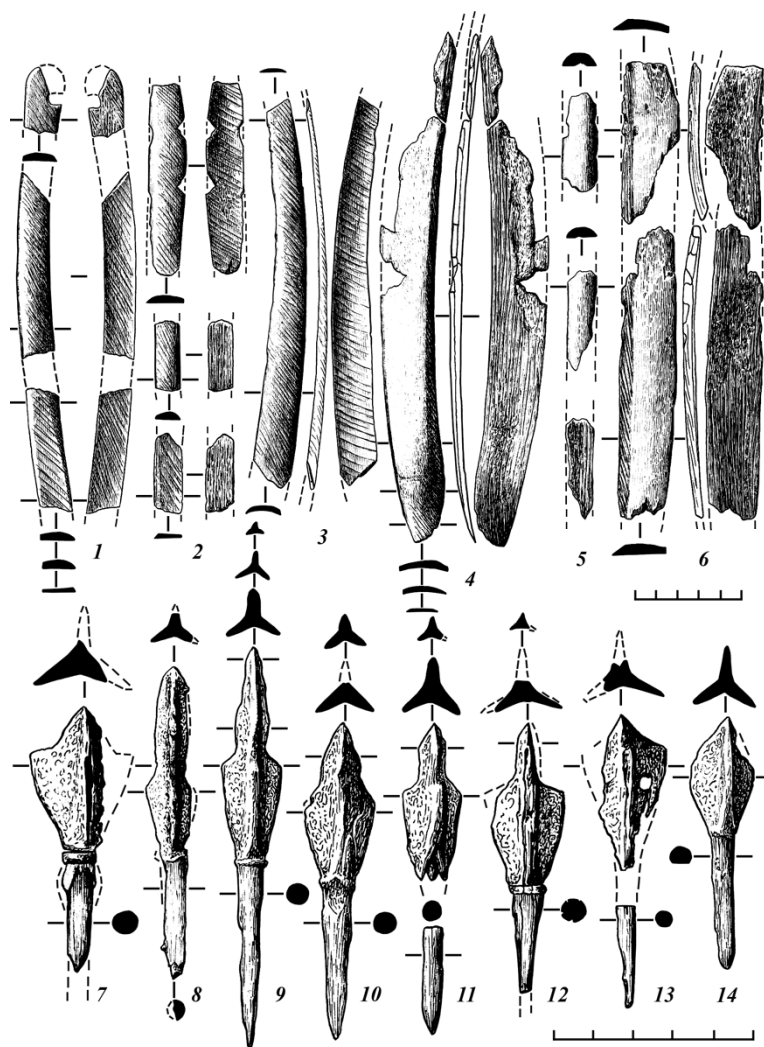

Рис. 3. Чобурак-1, курган № 30.

Костяные (роговые) накладки на лук (1–6) и железные наконечники стрел (7–14).

Рисунки выполнены И.А. Чудилиным.

Fig. 3. Choburak-1, barrow № 30.

Bone (horn) bow linings (1–6) and iron arrowheads (7–14). The drawings were made by I.A. Chudilin.

В северо-западной части могилы, на глубине 0,94 м от уровня древнего горизонта, прослежены остатки деревянной погребальной камеры в виде колоды. Внутри нее расчищен непотревоженный скелет мужчины 30–35 лет¹, ориентированного головой на северо-запад. Судя по расположению позвоночника и длинных костей, покойный лежал вытянуто на спине с выпрямленными нижними и верхними конечностями (рис. 2, Б). С умершим человеком был помещен разнообразный инвентарь, представленный предметами вооружения, снаряжением, орудиями труда. В разных местах обнаружены разрушенные костяные (роговые) накладки от сложносоставного лука: в районе правого бедра и у левого колена — концевые боковые (рис. 3, 1–3), а с внутренней стороны левого бедра — две срединные боковые (рис. 3, 4, 6) и одна тыльная (рис. 4, 5) пластины. В области рук (с внешней и внутренней стороны), рядом с головой, на груди и в районе пояса лежали железные наконечники стрел, направленные остриями в разных направлениях. Всего учтено не менее 40 таких изделий, половина из которых представлена обломками (рис. 3, 7–14; 4, 1–41). Расположение целых и фрагментированных экземпляров указывало на то, что в момент похорон тело человека было беспорядочно усыпано стрелами. У

¹ Выражаем благодарность к.и.н. С.С. Тур за предоставленные антропологические определения.

Воинское погребение жужанского времени из Северного Алтая

правого плеча умершего выявлен железный коротколезвийный нож (рис. 4, 43). Вдоль левого бока покойного (от локтя до колена) зафиксирован железный меч, ориентированный острием к ступням (рис. 5, 1). Клинок был помещен в ножны, от которых сохранились железные детали и небольшая часть кожного покрытия деревянной основы (рис. 5, 2–8). У правого бедра найдены два железных боевых ножа с длинным лезвием (рис. 5, 9, 10). На тазовых костях и под ними расчищены многочисленные детали железной гарнитуры от наборного пояса: три пряжки с подвижным язычком (рис. 6, 1–3), четыре бляхи-накладки разной формы (рис. 6, 4–7), не менее десяти блях-полуобойм с подвижными кольцами (рис. 6, 8–25), восьмерковидное витое звено цепочки (рис. 6, 20). Среди них встречен железный стержень (рис. 4, 42). Между бедренных костей зафиксирован фрагмент украшения из цветного металла в виде трубочки-пронизки из согнутой в «пружину» проволоки (рис. 6, 26).

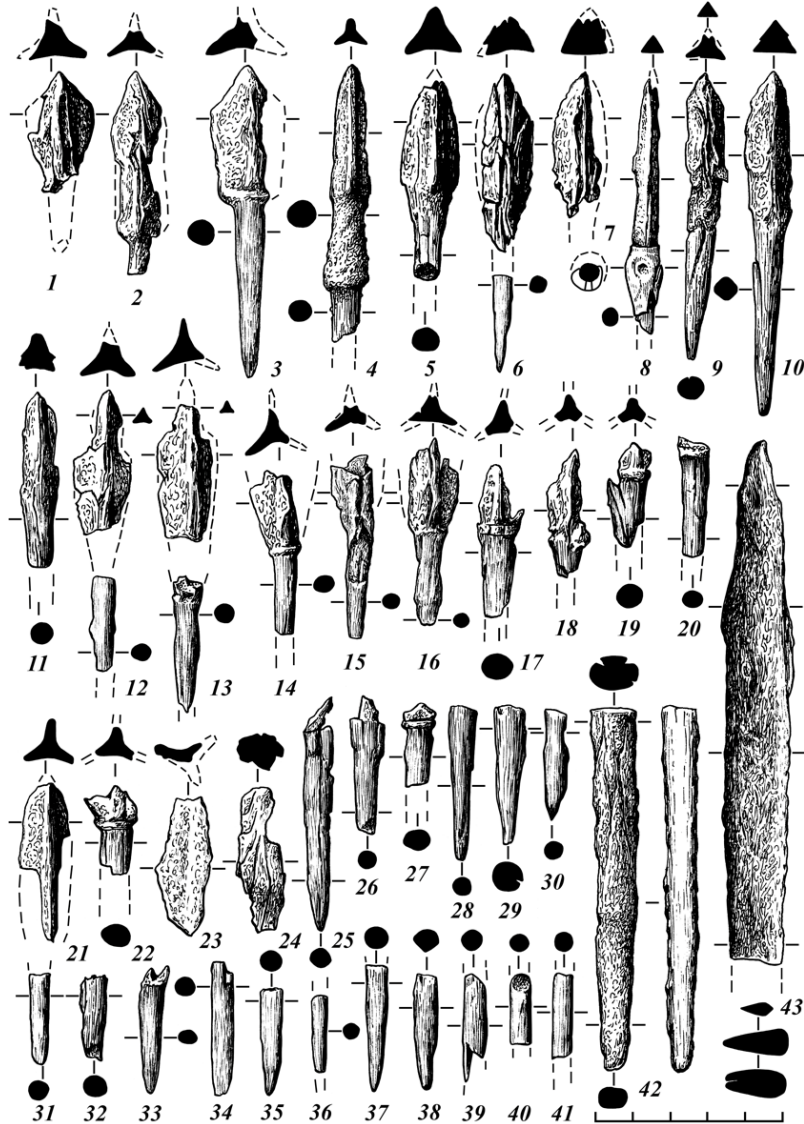

Рис. 4. Чобурак-I, курган № 30.

Железные наконечники стрел (1–41) и орудия труда (42, 43). Рисунки выполнены И.А. Чудилиным.

Fig. 4. Choburak-I, barrow № 30.

Iron arrowheads (1–41) and tools (42, 43). The drawings were made by I.A. Chudilin.

В юго-восточной части могилы, на глубине 0,98 м от уровня древнего горизонта обнаружено сопроводительное захоронение лошади. Животное было уложено на правый бок с подогнутыми конечностями и обращено головой на северо-запад. Череп лошади перекрывал берцовые кости ле-

вой ноги человека. В челюстях животного сохранились железные удила с петлями для повода (рис. 7, 1), а в разных местах рядом с головой — корродированные железные детали узды: пряжка с подвижным язычком и обломанным щитком (рис. 7, 2); четыре фрагментированные бляхи-накладки с шпеньковым креплением (рис. 7, 3–6), тренчик ремня (рис. 7, 7), два восьмерковидных крепления (рис. 7, 8, 9). Среди ребер лошади найдены две костяные (роговые) цурки (рис. 7, 10, 11).

Анализ сопроводительного инвентаря

В ходе раскопок погребения кургана № 30 некрополя Чобурак-I обнаружена многочисленная серия изделий, информативных для определения датировки данного закрытого комплекса, а также для изучения особенностей материальной культуры населения Алтая жужанского времени. Учитывая ограниченный объем статьи, авторы намеренно отказались от развернутой классификации и типологии предметов, ограничившись обзором наиболее значимых аналогий и результатов сравнительного изучения показательных вещей.

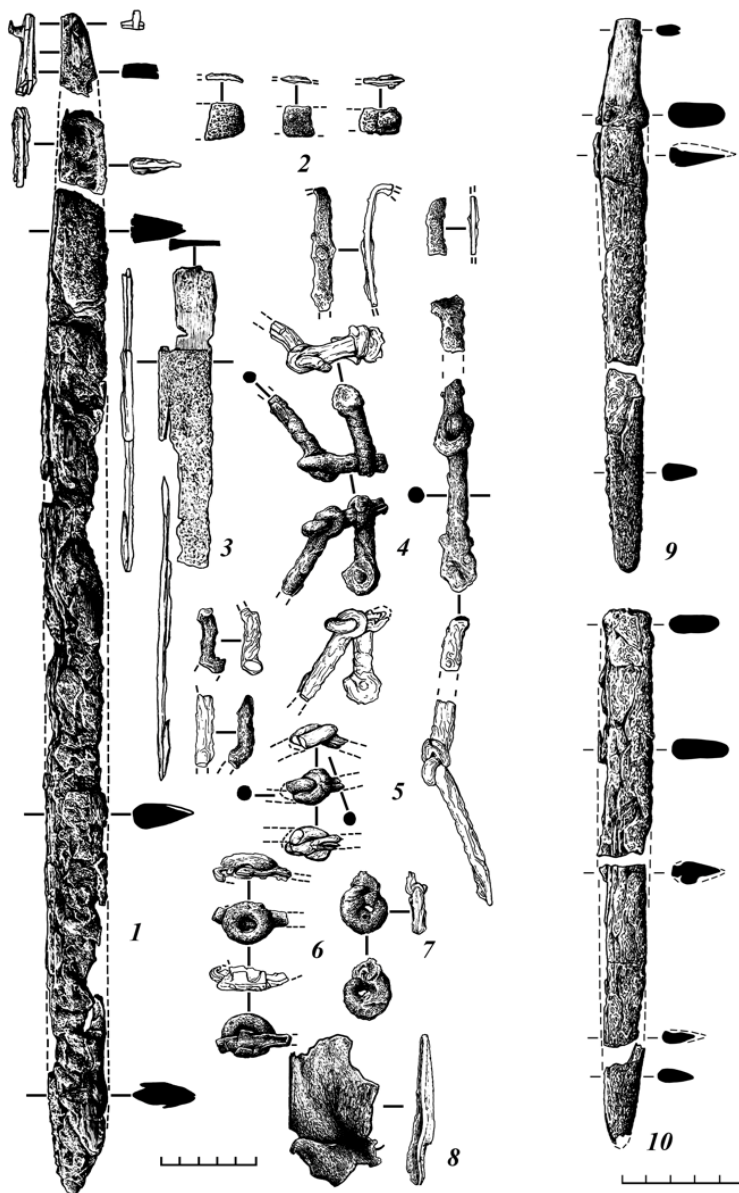

Рис. 5. Чобурак-I, курган № 30.

Железный меч с деталями ножен (1–8) и боевые ножи (9, 10). Рисунки выполнены И.А. Чудилиным.

Fig. 5. Choburak-I, barrow № 30.

Iron sword with scabbard details (1–8) and combat knives (9, 10). The drawings were made by I.A. Chudilin.

Воинское погребение жужанского времени из Северного Алтая

Оружие дальнего боя. В захоронении сохранились фрагментированные костяные (роговые) накладки сложносоставного лука: три концевые боковые (пара верхних и одна нижняя) из тонких (до 0,4 см) слабо изогнутых пластин (длина не менее 25 см) дуговидной формы (рис. 3, 1–3); две срединные боковые дуговидной формы длиной более 23 см, максимальной шириной 2,5 см (рис. 3, 4, 6); тыльная срединная (рис. 3, 5). Расположение концевых накладок *in situ* дает основания для утверждения, что лук был сломан или намеренно разобран на части. Особенности оформления срединных боковых накладок позволяют датировать рассматриваемый образец ручного метательного оружия в рамках II–V вв. н.э. [Горбунов, 2006, с. 15, табл. I, 4, 7, 8, 10; Тишкин и др., 2018, с. 42].

Арсенал средств ведения дальнего боя из погребения кургана № 30 включал не менее 40 железных черешковых наконечников стрел, большинство которых были сильно корродированы и разрушены. Их основную часть составляют трехлопастные модификации с ярусным пером, относящиеся к образцам хуннской и южно-сибирской военных традиций [Мамадаков, 1990, с. 44–53; Неверов, Мамадаков, 1991]. Изделия хуннского облика количественно преобладали и представлены экземплярами с малым верхним ярусом треугольной (рис. 3, 7) и пятиугольной (рис. 3, 10, 11; 4, 12, 13) форм, плавно переходящим в нижний ярус с асимметрично-ромбическим контуром. Данные наконечники стрел являются производными от соответствующих центрально-азиатских образцов и использовались воинами Алтая во II–V вв. н.э. [Горбунов, 2006, с. 38; Тишкин и др., 2018, с. 52–53; Серегин и др., 2020, с. 105–107]. У целых изделий зафиксирован кольцевой упор на черешке, что демонстрирует их более позднюю хронологию по сравнению с хуннскими прототипами. Аналогичные предметы обнаружены во многих погребальных памятниках булан-кобинской культуры [Худяков, 2002, рис. 3, 1, 4, 8; Горбунов, 2006, с. 29, 38, рис. 23, 4, 24; Тишкин и др., 2018, с. 49, 52, табл. 8, 14]. Ярусные наконечники южно-сибирской традиции включают два хорошо сохранившихся экземпляра с равной или большей верхней частью вытянуто-ромбической формы и асимметрично-ромбической нижней, имеющих кольцевой упор (рис. 3, 8, 9). Судя по имеющимся данным, у населения Алтая такие изделия появились в III в. н.э., по-видимому во второй половине этого столетия [Серегин и др., 2020, с. 107].

Зафиксированные в кургане № 30 трехлопастные наконечники стрел с асимметрично-ромбическим (рис. 3, 13; 4, 1), ромбическим (рис. 3, 14) и шестиугольным (рис. 4, 2, 3) пером широко использовались кочевниками булан-кобинской культуры во II–V вв. н.э. [Тишкин и др., 2018, с. 54]. Редкий для обозначенного региона трехлопастной экземпляр с килевидным пером и цилиндрическим упором (рис. 4, 4) появился, по-видимому, на базе листовидных форм, распространившихся на Алтае в начале IV в. н.э. под влиянием среднеазиатской военной традиции [Там же, 2018, с. 54–55].

В анализируемой серии изделий идентифицирован трехгранно-трехлопастной ярусный наконечник с пятиугольной верхней и асимметрично-ромбической нижней частью пера, имеющий кольцевой упор (рис. 3, 12). Население Алтая могло заимствовать такое оформление пера в IV в. н.э. от носителей кенкольской культуры Тянь-Шаня [Горбунов, 2006, с. 39].

Достаточно необычными являются бронебойные трехгранные наконечники листовидной и килевидной форм (рис. 4, 5–11). Изделия с таким пером наиболее интенсивно разрабатывались населением Средней Азии в III–VIII вв. н.э. [Худяков, 1986, с. 31, рис. 6, 1; 97; Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 84, рис. 6, 7–10, 13–24; Левина, 1996, рис. 92, 20, 23, 45; Литвинский, 2001, с. 107–110]. На территории Алтая они были распространены, судя по всему, под влиянием оружейного комплекса кенкольской культуры и активно использовались после широкого внедрения железного доспеха во второй половине IV — V в. н.э. [Кожомбердиев, Худяков, 1987, рис. 6, 7, 8, 10, 14, 16, 18, 20, 21; Горбунов, 2006, с. 40].

Оружие ближнего боя. В погребении кургана № 30 некрополя Чобурак-I зафиксирован показательный для эпохи Великого переселения народов комплекс клинкового оружия. Особого внимания заслуживает железный однолезвийный меч (длина — 55,6 см, ширина — 3,1 см, толщина спинки — 1,1 см) с полусегментовидным острием, имеющий прямой черен (длина 9,5 см) с одним штифтом для крепления рукояти без перекрестия и навершия (рис. 5, 1).

Распространение однолезвийных мечей на севере Центральной Азии произошло не ранее конца II — III в. н.э. [Соловьев, 1987, с. 70–71; Николаев, 2001, с. 88–89] или второй четверти I тыс. н.э. [Худяков, 1986, с. 131]. Данный процесс мог быть связан с военной активностью сяньби. В Средней Азии однолезвийные мечи встречены в памятниках второй половины III — IV в. н.э. [Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 89, рис. 7, 5, 6, 9]. На территории Северной Азии использование подобных предметов зафиксировано во второй половине IV — V в. н.э. [Молодин, Чикишева, 1990, с. 162, рис. 2, 1; Горбунов, 2006, с. 63, рис. 49, 4–6, 62, 76]. В западной части

степного пояса Евразии такое клинковое оружие известно не ранее конца IV в. н.э. [Засецкая, 1994, с. 33–34]. Похожие мечи обнаружены в погребениях булан-кобинской культуры Алтая второй половины IV — V в. н.э. из комплексов Берель и Верх-Уймон [Сорокин, 1969; Горбунов, 2006, с. 59, 111; Соенов, 2017, с. 120].

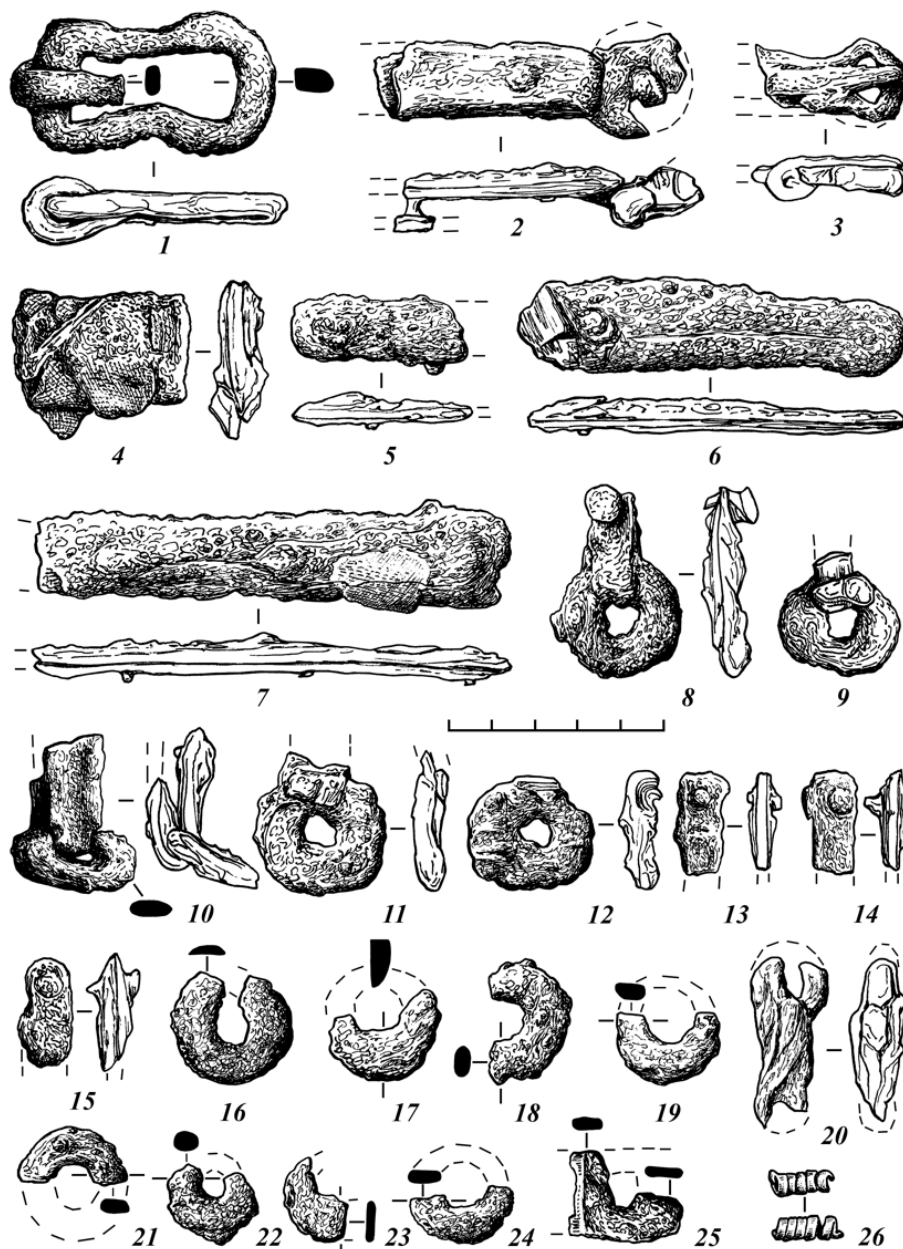

Рис. 6. Чобурак-I, курган № 30.

Поясные пряжки (1–3), бляхи (4–19, 21–25), крепления (20), декоративное изделие из цветного металла (26).

Рисунки выполнены И.А. Чудилиным.

Fig. 6. Choburak-I, barrow № 30.

Belt buckles (1–3), badges (4–19, 21–25), mounts (20), decorative item made of non-ferrous metal (26).

The drawings were made by I.A. Chudilin.

Отметим, что меч из кургана № 30 был помещен в ножны, от которых сохранились железные детали: оковка устья в виде тонких пластин (рис. 5, 2); крепление из нескольких витых звеньев, два из которых имеют окончание в виде пластин с шпеньком (рис. 5, 4); пластина с кольцом на длинной стороне (рис. 5, 6); полуобойма с кольцом (рис. 5, 7); обломок крепежного

Воинское погребение жужанского времени из Северного Алтая

звена (рис. 5, 5). Подобные изделия уже неоднократно фиксировались в воинском снаряжении «булан-кобинцев» IV–V вв. н.э. [Матренин, 2017, с. 17–25].

Короткоклинковое оружие из анализируемого комплекса представлено двумя ножами, имеющими треугольный в сечении клинок (длина 17 и 19,8 см), прямой и наклоненный в сторону лезвия черен для рукояти без перекрестия и навершия (рис. 5, 9, 10). Боевые ножи с обозначенными морфологическими характеристиками представляют собой довольно частую находку в погребениях булан-кобинской культуры II–V вв. н.э. [Тишкин и др., 2018, с. 58–59].

Поясные принадлежности, орудия труда и украшения. Важным элементом сопроводительного инвентаря воина из кургана № 30 некрополя Чобурак-I был наборный пояс, от которого сохранилось большое количество железных деталей ременных гарнитур.

Пояс застегивался на пряжку с подвижным язычком, закрепленным на основании восьмерковидной рамки (рис. 6, 1). Наиболее близкие аналогии ей зафиксированы в памятниках тесинской культуры I в. до н.э. — II в. н.э. Среднего Енисея и в сянбийских захоронениях конца I — начала IV в. н.э. в Восточном Забайкалье [Вадецкая, 1999, рис. 65; Яремчук, 2005, рис. 96, 3; Кузьмин, 2011, табл. 40, 19, 20]. В булан-кобинской культуре похожие по форме изделия, но снабженные щитком в виде пластины-полуобоймы, происходят из комплексов III–V вв. н.э. [Кубарев и др., 1990, рис. 31, 3; Матренин, 2017, с. 34].

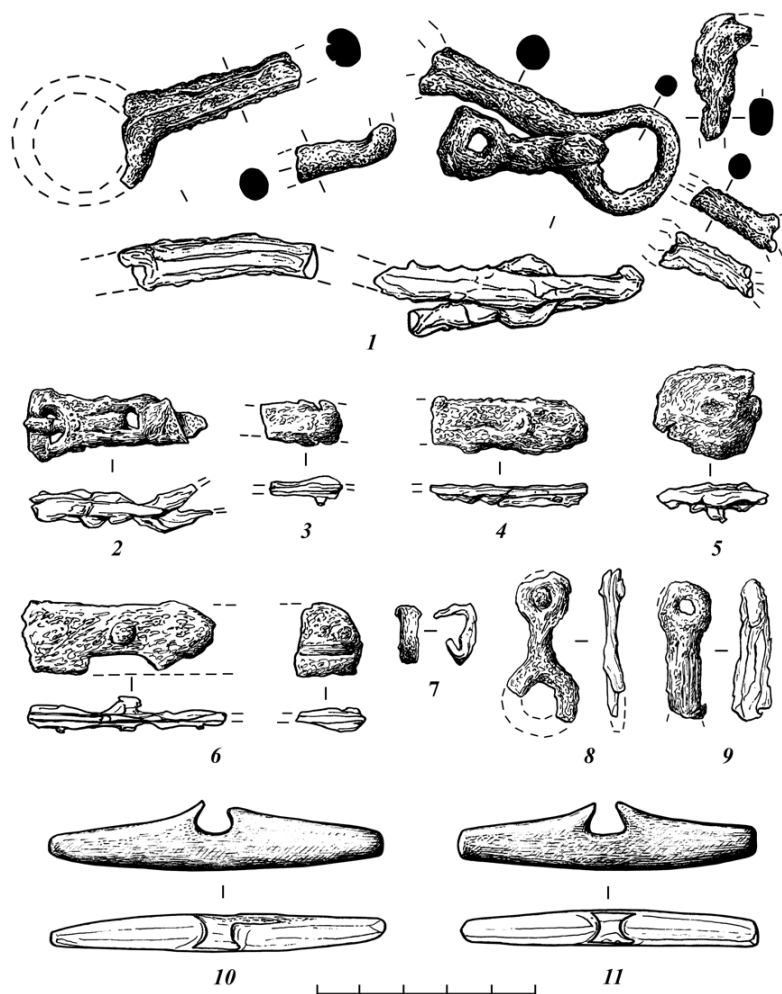

Рис. 7. Чобурак-I, курган № 30.

Железные удила (1), пряжка (2), уздечные бляхи (4–6), тренчик (7), крепления (8, 9), костяные (роговые) цурки (10, 11). Рисунки выполнены И.А. Чудилиным.

Fig. 7. Choburak-I, barrow № 30.

Iron bits (1), buckle (2), bridle plaques (4–6), trench coat (7), fasteners (8, 9), bone (horn) fasteners (10, 11). The drawings were made by I.A. Chudilin.

Овальнорамчатая пряжка с подвижным язычком на основании рамки и щитком-полуобоймой вытянуто-прямоугольной формы (рис. 6, 2) относится к модификациям застёжек, распространенных у населения Алтая во II–V вв. н.э. [Матренин, 2017, с. 30–31, 42, 47–48]. Пряжка, снабженная подвижным язычком, который закреплен на вертлюге в проеме т-образной рамки (рис. 6, 3), имеет широкий круг датированных аналогий в материалах, использованных при построении периодизационных схем развития снаряжения народов «западной» и «восточной» частей степного пояса Евразии [Малашев, 2000, рис. 3Б, 2, 3; 5А, 3; Николаев, 2000, рис. 3, 2, 8; 4, 2, 5; Горбунова, 2001, рис. 5, 26; Симоненко, 2004, с. 145; и др.]. Носители булан-кобинской культуры использовали такие изделия во второй четверти I тыс. н.э. [Матренин, 2017, с. 50].

Наборный пояс включал четыре бляхи-накладки в виде пластин с прямоугольным, вытянуто-прямоугольным и вытянуто-трапециевидным абрисом разного размера, которые крепились к ремню с помощью шпеньков (рис. 6, 4–7). Похожие экземпляры известны в памятниках Тувы и Восточного Забайкалья первой половины I тыс. н.э. [Панкова, 2003, рис. 4; Яремчук, 2005, рис. 99, 1, 2, 5, 10; 103, 1–4; и др.]. На Алтае такие гарнитуры были сформированы под влиянием традиций материальной культуры саянских племен во II в. н.э. и широко использовались «булан-кобинцами» до V в. н.э. включительно [Матренин, 2017, с. 62, 72].

Другая разновидность поясных блях представлена не менее чем десятью пластинами, согнутыми пополам в полуобойму, имеющими шпеньковое крепление к ремню и подвижное кольцо (рис. 6, 8, 19, 21–25). Похожие гарнитуры являлись элементом наборных поясов у многих народов Центральной Азии в эпоху Великого переселения народов, в том числе у «булан-кобинцев» во II–V вв. н.э. [Матренин, 2017, с. 74–75].

Среди поясных принадлежностей из публикуемого погребения зафиксировано восьмерковидное витое звено цепочки (рис. 6, 20). Похожее крепление происходит из памятников Тувы (вторая половина III — IV в. н.э.), Среднего Енисея (IV–VI вв. н.э.) и Верхнего Приобья (вторая половина IV — VI в. н.э.) [Грязнов, 1956, табл. XXXII, 22, XLI, 10; Беликова, Плетнева, 1983, рис. 2, 1; 5, 5; 8, 2; 14, 4; 53, 7, 8; Вадецкая, 1999, с. 124–126; Николаев, 2000, рис. 1, 12, 16, 18; 3, 2, 5, 10, 11; Памятники..., 2010, с. 34, 44, 60]. Данные изделия относятся к числу показательных хронологических индикаторов археологических памятников Алтая конца III — V в. н.э. [Тишкин и др., 2018, с. 64].

К орудиям труда из анализируемого комплекса относится обломок железного ножа с коротким клинком, имеющим треугольное поперечное сечение, прямую спинку и прямой черен для рукояти, ограниченный со стороны лезвия плечиком (рис. 4, 43). Результаты изучения имеющихся материалов раскопок погребений булан-кобинской культуры показывают, что такие ножи использовались населением Алтая во II–V вв. н.э. [Кубарев и др., 1990, рис. 37, 19; 40, 10; 44, 12–13; 46; Мамадаков, 1990, рис. 85, 12–15; Тишкин и др., 2018, с. 126, табл. 36–37].

Довольно редкой находкой является железный стержень длиной 9,6 см с овальным поперечным сечением, сужающийся к одному концу (рис. 4, 42). Наличие у данного предмета прямой «площадки» позволяет предположить, что он мог использоваться в качестве зубила. Аналогии ему в археологических материалах Алтая II в. до н.э. — V в. н.э. нам неизвестны.

Единственное украшение из погребения кургана № 30 сохранилось в виде фрагмента бронзовой трубочки-пронизи, выполненной из согнутой в спираль плоской проволоки (рис. 6, 26). В комплексах булан-кобинской культуры похожие экземпляры представлены редкими находками из некрополей саянских племен [Мамадаков, 1990, рис. 23, 6; Трифанова, Соенов, 2019, рис. 26].

Снаряжение верхового коня. В состав уздечного комплекта входят железные удила плохой сохранности, которые могли иметь крюковое соединение грызель (рис. 7, 1). Наличие дополнительных восьмерковидных петель для поводов указывает на относительную хронологию данного предмета не ранее IV в. н.э. [Тишкин и др., 2018, с. 112]. Железная уздечная пряжка с язычком на вертлюге в прорези т-образной рамки (рис. 7, 2) имеет аналогии среди датированных деталей поясных гарнитур булан-кобинской культуры III–V вв. н.э. [Матренин, 2017, с. 48–49].

Железные уздечные бляхи-накладки с шпеньковым креплением представлены тремя фрагментированными экземплярами из пластин, имеющих абрис прямоугольника с одним округлым краем (рис. 7, 4–6). Такие изделия могут быть производными от поясных блях, встречающихся на Алтае в течение саянских и жужанских периодов [Тишкин и др., 2018, с. 114]. Зафиксированное среди деталей узды восьмерковидное крепление (рис. 7, 8) имеет аналогии в конском снаряжении кочевников рассматриваемого региона, относящемся к IV–V вв. н.э. [Тетерин, 1995, рис. 50; Тишкин и др., 2018, табл. 32, 1].

Воинское погребение жужанского времени из Северного Алтая

Показательным элементом конского снаряжения является пара костяных (роговых) цурок с несомкнутой прорезью (рис. 7, 10, 11). Данные изделия выступают одним из хронологических маркеров предметного комплекса скотоводов Алтая жужанского периода [Тишкин и др., 2018, табл. 32, 7–11; 33, 5–6; Серегин и др., 2020].

Этносоциальная интерпретация погребального обряда

Документированные элементы ингумации свидетельствуют, что курган № 30 некрополя Чобурак-I относится к числу памятников дялянкой погребальной традиции населения булан-кобинской культуры Алтая. Объекты этой группы характеризуются сочетанием следующих наиболее важных признаков: овальная насыпь с крепидой; труположение умершего головой в западный сектор горизонта, обычно с отклонением к северу; сопровождение покойного лошадей, уложенной «в ногах» человека либо частично перекрывающей его и ориентированной головой в одном с ним направлении; преобладание деревянных внутримогильных конструкций [Серегин, Матренин, 2016, с. 161–162]. В рассматриваемом регионе данная традиция известна с хуннского времени (II в. до н.э. — I в. н.э.) и при этом генетически не связана с наследием племен пазырыкской культуры середины VI — III в. до н.э. [Матренин, Тишкин, 2007].

В исторических судьбах «дялянцев» по-прежнему остается много неясного. Вероятно, их формирование на Алтае отражает смешение разных групп пришлого и местного населения. Судя по имеющимся материалам, одним из активных участников этого процесса были «яломанцы» (составляли костяк «этноса-элиты» в булан-кобинском обществе Центрального Алтая), хоронившие с лошадей «сверху» и частично «в ногах» человека, но с ориентировкой головой на восток и преимущественно в каменных ящиках [Матренин, Тишкин, 2007, с. 112–113; Серегин, Матренин, 2016]. Известный на сегодняшний день корпус археологических источников дает основания считать, что ритуал размещения лошади в могиле «сверху» или в «ногах» человека имеет наиболее вероятные истоки в погребальной практике скотоводов Верхнего Прииртышья VIII–III вв. до н.э., оставивших памятники кула-жургинского типа [Черников, 1975, с. 153; Самашев, 1987, с. 102–103; Суразаков, 1988, с. 127–129; Мамадаков, 1990, с. 18; Боковенко, Заднепровский, 1992, с. 144–145]. Важно отметить, что такой вариант оформления сопроводительного захоронения животного сформировался там без влияния «пазырыкцев» [Боковенко, Заднепровский, 1992, с. 145; Марсадалов, 2000, с. 36–37, 48, табл. 4]. С другой стороны, погребение с лошадей в одной яме у заднего борта могилы встречается в майэмирских памятниках северных и северо-западных предгорий Алтая, а над внутримогильной конструкцией — в ранних комплексах быстринской культуры [Савинов, 1987, с. 22–23; Абдулганеев, Кунгуров, 1996, с. 153; Шульга, 2003, с. 523, рис. 2]. В связи с этим можно допустить, что на сложение комплекса характеристик обрядовой практики «дялянцев» оказали влияние и потомки населения Алтая и сопредельных территорий раннескифского времени.

Материалы раскопок некрополя Чобурак-I подтверждают сформулированный ранее тезис о том, что носители дялянкой погребальной традиции составляли элиту скотоводов Северного Алтая на заключительном этапе существования булан-кобинской культуры [Серегин, Матренин, 2020, с. 129]. Дальнейшая история данной группы населения весьма фрагментарно обеспечена материалами. Можно предположить, что во второй половине V в. н.э. «дялянцы» были включены в состав этнополитической общности тюрок Алтае-Саянского региона, но, по-видимому, в ней полностью не ассимилировались даже в эпоху существования каганатов. В дальнейшем их потомки при участии племен одинцовской культуры Верхнего Приобья были вовлечены в этногенез раннесредневековых народов Алтайской лесостепи. Не исключено, что они выступили одним из компонентов при формировании населения сrostкинской культуры, оставившего могильник Иня-1 [Горбунов, 2020, с. 31–33]. На сегодняшний день это самый ранний и единственный погребальный комплекс обозначенной общности, на котором массово представлен ритуал захоронения с верховым конем, уложенным в «ногах» умершего человека, совершенно нехарактерный для норм обрядности собственно тюрок.

Судя по зафиксированному составу сопроводительного инвентаря, мужчина, погребенный в кургане № 30 некрополя Чобурак-I, имел высокий социальный статус в булан-кобинском обществе. На площади рассматриваемого погребального комплекса публикуемый объект выделялся наиболее крупными размерами наземного сооружения. Ключевым основанием для заключения о прижизненном положении покойного является присутствие в могиле разнообразного набора воо-

ружия, представленного луком, большим количеством стрел с железными наконечниками², двумя боевыми ножами, мечом, а также наборным поясом с многочисленными деталями ременной гарнитуры. Необходимо подчеркнуть, что наиболее показательным элементом паноплии был меч. На сегодняшний день находки данного вида клинкового оружия в памятниках Алтая являются большой редкостью (без учета рассматриваемых материалов зафиксировано 14 изделий). Ранее неоднократно отмечалось, что население булан-кобинской культуры помещало мечи в захоронения военачальников или особо отличившихся профессиональных воинов [Горбунов, 2006, с. 74; Серегин, Матренин, 2020, с. 39, 91, 93–94, 109, 110]. Представляется возможным утверждать, что в кургане № 30 некрополя Чобурак-I был похоронен представитель верхнего привилегированного слоя кочевников Северного Алтая жужанского времени.

Заключение

Совокупность показателей обрядовой практики, зафиксированных в ходе раскопок кургана № 30 некрополя Чобурак-I, свидетельствует о принадлежности публикуемого объекта к дялянкой погребальной традиции населения Алтая конца I тыс. до н.э. — первой половины I тыс. н.э. В сопроводительном инвентаре мужского захоронения представлены как широко распространенные, так и весьма редкие типы изделий, характеризующие позднюю стадию белобомского и верх-уймонский этап булан-кобинской культуры. Изучение взаимной встречаемости датированных категорий вещей дает основания для установления хронологии данного комплекса в рамках IV в. н.э., ближе к середине столетия. Такое заключение подтверждается результатами радиоуглеродного датирования серии объектов некрополя Чобурак-I, которые планируется представить в отдельной публикации.

Состав вооружения (лук, большое количество стрел с железными наконечниками, меч, два боевых ножа) и воинского снаряжения (наборный пояс с множеством ременных гарнитур) позволяют сделать вывод о высоком социальном статусе погребенного, который мог быть военачальником, командовавшим крупным подразделением профессиональных воинов, а также, вероятно, предводителем локальной группы кочевников, оставивших некрополь Чобурак-I. Некоторые своеобразные черты мировоззренческих представлений этого населения отражают зафиксированные «нестандартные» черты погребального ритуала, связанные с помещением в могилу сломанного (разобранного?) лука и большого количества стрел, которыми в момент похорон было усыпано тело человека. Дальнейшее исследование объектов рассматриваемого комплекса, а также других памятников Алтая жужанского времени даст возможность существенным образом расширить представления о специфике этнополитических и социальных процессов в этом регионе и на сопредельных территориях на рубеже эпох древности и средневековья.

Финансирование. Анализ и интерпретация публикуемого комплекса осуществлены при финансовой поддержке РФФ № 20-78-10037. Обработка материалов раскопок некрополя Чобурак-I проведена в рамках программы развития ФГБОУ ВО АлтГУ «Приоритет 2030».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л.* Курганы быстрианской культуры в междуречье Бии и Чумыша // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 143–155.
- Беликова О.Б., Плетнева Л.М.* Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. 243 с.
- Боковенко Н.А., Заднепровский Ю.А.* Ранние кочевники Восточного Казахстана // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 140–148.
- Вадецкая Э.Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 440 с.
- Горбунов В.В.* Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.
- Горбунов В.В.* Сопроводительные захоронения животных на могильнике Иня-1 в Барнаульском Приобье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. Вып. XXVI. С. 30–36.
- Горбунова Н.Г.* Скотоводы Бактрии, Согда и Центральных Кызылкумов // Археологический сборник ГЭ. 2001. Вып. 35. С. 126–151.

² По числу зафиксированных экземпляров его превосходят только колчаные наборы из элитных погребений булан-кобинской культуры второй половины IV — первой половины V в. н.э., раскопанных в Центральном Алтае на памятнике Яломан-II.

Воинское погребение жужанского времени из Северного Алтая

- Грязнов М.П.* История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 162 с.
- Засецкая И.П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV — V в. н.э.). СПб.: Эллипс Лтд, 1994. 224 с.
- Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С.* Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 75–106.
- Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В.* Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск: Наука, 1990. С. 43–95.
- Кузьмин Н.Ю.* Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб.: Айсинг, 2011. 456 с.
- Левина Л.М.* Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. — I тысячелетие н.э. М.: Восточная литература РАН, 1996. 396 с.
- Литвинский Б.А.* Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан): Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М.: Восточная литература, 2001. Т. 2. 528 с.
- Малашев В.Ю.* Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов н/Д: Терра, 2000. С. 194–232.
- Матренин С.С.* Снаряжение кочевников Алтая (II в. до н.э. — V в. н.э.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2017. 142 с.
- Матренин С.С., Тишкин А.А.* Опыт выделения локально-территориальных групп населения Горного Алтая хуннского времени (по материалам погребальных памятников) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. 3. С. 102–115.
- Молодин В.И., Чикишева Т.А.* Погребение воина IV–V вв. н.э. в Барабе // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск: ИИФиф СО АН СССР, 1990. С. 161–179.
- Неверов С.В., Мамадаков Ю.Т.* Проблемы типологии и хронологии ярусных наконечников стрел Южной Сибири // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1991. С. 121–135.
- Николаев Н.Н.* Поясные наборы могильника Кокэль // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб.: СПбГУ, 2000. С. 70–85.
- Панкова С.В.* Погребения середины I тыс. н.э. в Западной Туве // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003. № 11. С. 92–106.
- Самашев З.С.* Памятники кулажургинского типа // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 95–114.
- Серегин Н.Н., Матренин С.С.* Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. — XI в. н.э. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. 272 с.
- Серегин Н.Н., Матренин С.С.* Социальная история населения Алтая в эпоху кочевых империй (II в. до н.э. — XIV в. н.э.): по материалам археологических комплексов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. 268 с.
- Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С.* Новые материалы для изучения оружия дальнего боя у населения северного Алтая в жужанское время // Теория и практика археологических исследований. 2020. № 3. С. 99–118.
- Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С.* Неординарное погребение подростка с воинским инвентарем из некрополя жужанского времени Чобурак-I (Северный Алтай) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 1. С. 122–133.
- Симоненко А.В.* Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. Краснодар: Фирма НСС, 2004. С. 134–173.
- Соенов В.И.* Нарушенное воинское погребение на могильнике Верх-Уймон // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2017. № 8 (20). С. 117–142.
- Соловьев А.И.* Военное дело коренного населения Западной Сибири: Эпоха средневековья. Новосибирск: Наука, 1987. 193 с.
- Сорокин С.С.* Большой Берельский курган: (Полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // Труды ГЭ. Культура и искусство народов Востока. Л.: Сов. художник, 1969. Т. X. С. 208–236.
- Суразаков А.С.* Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа: Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1988. 214 с.
- Тетерин Ю.В.* Поясные наборы гунно-сарматской эпохи Горного Алтая // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 131–135.
- Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В.* Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. 368 с.
- Трифанова С.В., Соенов В.И.* Украшения населения Алтая гунно-сарматского времени. Горно-Алтайск, 2019. 160 с.
- Тур С.С., Матренин С.С., Соенов В.И.* Вооруженное насилие у скотоводов Горного Алтая гунно-сарматского времени // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. № 4. С. 132–139.
- Худяков Ю.С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.

Худяков Ю.С. Предметы вооружения из памятника Улуг-Чолтух в Горном Алтае // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 79–87.

Черников С.С. К вопросу о хронологических периодах в эпоху ранних кочевников (по археологическим материалам Восточного Казахстана) // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 132–137.

Шульга П.И. Могильник Гилево-10 как памятник финала раннескифского времени // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. Т. IX. Ч. I. С. 521–527.

ИСТОЧНИКИ

Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э.: Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 317 с.

Марсадолов Л.С. Археологические памятники IX–III вв. до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник: (Феномен пазырыкской культуры): Автореф. дис. ... д-ра культурологии. СПб., 2000. 56 с.

Николаев Н.Н. Культура населения Тувы 1-й пол. I тыс. н.э.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001. 262 с.

Савинов Д.Г. Формирование и развитие раннесредневековых археологических культур Южной Сибири: Дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1987. 245 с.

Яремчук О.А. Могильник Зоргол-I – памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии: Дис. ... канд. ист. наук. Чита, 2005. 296 с.

Seregin N.N. *, Tishkin A.A., Matrenin S.S., Parshikova T.S.

Altai State University, prosp. Lenina, 61, Barnaul, 656049, Russian Federation
E-mail: nikolay-seregin@mail.ru (Seregin N.N.); tishkin210@mail.ru (Tishkin A.A.);
matrenins@mail.ru (Matrenin S.S.); taty-parshikova@yandex.ru (Parshikova T.S.)

Burial of a warrior of the Rouran period from Northern Altai

The article introduces into scientific discourse cultural, chronological and social interpretation of the warrior burial, investigated during the excavations of the necropolis of the Bulan-Koby Culture of the Choburak-I funerary and ritual complex. The site is located on the right bank of the Katun River, to the south from the Elanda village of Chermal district, Altai Republic. During the research, a burial of a man with a horse and accompanying equipment, including a representative set of weapons (bow, a large number of arrows with iron tips, a sword, two combat knives), a belt decorated with numerous belt fittings, horse equipment, and other items were studied. A detailed description of the finds, including both widespread and very rare types of items, has been carried out. The indicated circle of analogies from the sites of the Bulan-Koby Culture of Altai, as well as complexes excavated in adjacent territories, allows us to determine the date of burial mound №30 to the 4th c. AD. This conclusion is confirmed by the results of radiocarbon dating of a series of objects from the Choburak-I necropolis. The complex of elements of ritual practice indicates that the burial mound belongs to the previously identified Dialyan burial tradition of the Altai population of the end of the 1st mil. BC — first half of the 1st mil. AD. This is suggested by the combination of the following features: an oval mound with a crepidoma, inhumation burial rite, northwest orientation of the deceased, accompanying of the deceased by a horse laid “at the feet” of the person and its orientation with its head in the same direction as the deceased, inner grave construction in the form of a deck. The composition of the grave goods allows us to conclude that the buried man was of a high social status, possibly a warrior who commanded a large unit of professional warriors, and also, possibly, the leader of a local group of pastoralists who left the Choburak-I necropolis. Some peculiar features of the analysed complex reflect the ideological paradigm of the Bulan-Koby population, such as placement into the grave of a broken (disassembled?) bow and a large number of arrows, covering the person’s body at the time of the burial.

Keywords: Altai, Bulan-Koby Culture, Rouran period, warrior burial, chronology, interpretation.

Funding. The analysis and interpretation of the published complex was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 20-78-10037). Processing materials of the Choburak-I necropolis was carried out in the framework of “Priority-2030” Program by the Altai State University.

REFERENCES

Abdulganeev, M.T., Kungurov, A.L. (1996). Mounds of the Bystryan culture in the interfluvium of the Biya and Chumysh. In: *Pogrebal'nyi obriad drevnikh plemen Altaia*. Barnaul: Altaiskii universitet, 143–155. (Rus.).

Belikova, O.B., Pletneva, L.M. (1983). *Sites of the Tomsk Ob region in the 5th–8th centuries AD*. Tomsk: Tomsk university. (Rus.).

Bokovenko, N.A., Zadneprovskii, Iu.A. (1992). Early nomads of East Kazakhstan. In: *Stepnaia polosа Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia*. Moscow: Nauka, 140–148. (Rus.).

* Corresponding author.

Воинское погребение жужанского времени из Северного Алтая

- Chernikov, S.S. (1975). On the issue of chronological periods in the era of early nomads (based on archaeological materials of East Kazakhstan). In: *Pervobytnaia arkheologiya Sibiri*. Leningrad: Nauka, 132–137. (Rus.).
- Gorbunov, V.V. (2006). *Military affairs of the population of Altai in the III–XIV centuries. Part II: Offensive weapons (weapons)*. Barnaul: Altaiskii universitet. (Rus.).
- Gorbunov, V.V. (2020). Accompanying animal burials at the Inya-1 burial ground in the Barnaul Ob region. In: *Sokhraneniye i izucheniye kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraia*, (XXVI). Barnaul: Altaiskii universitet, 30–36. (Rus.).
- Gorbunova, N.G. (2001). Pastoralists of Bactria, Sogd and Central Kyzylkum. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, (35), 126–151. (Rus.).
- Griaznov, M.P. (1956). *The history of the ancient tribes of the Upper Ob according to excavations near the Bolshaya Rechka village*. Moscow; Leningrad: AN SSSR. (Rus.).
- Khudiakov, Iu.S. (1986). *Armament of medieval nomads of South Siberia and Central Asia*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Khudiakov, Iu.S. (2002). Armament items from the Ulug-Choltukh monument in Gorny Altai. In: *Materialy po voennoi arkheologii Altaia i sopredel'nykh territorii*. Barnaul: Altaiskii universitet, 79–87. (Rus.).
- Kozhombierdiev, I.K., Khudiakov, Iu.S. (1987). Armament complex of the Kenkol warrior. In: *Voennoe delo drevnogo naseleniya Severnoi Azii*. Novosibirsk: Nauka, 75–106. (Rus.).
- Kubarev, V.D., Kireev, S.M., Cheremisin, D.V. (1990). Mounds of the Bike place. In: *Arkheologicheskie issledovaniya na Katuni*. Novosibirsk: Nauka, 43–95. (Rus.).
- Kuz'min, N.Iu. (2011). *Funeral sites of the Xiongnu-Xianbei period in the steppes of the Middle Yenisei: The Tesin culture*. St. Petersburg: Aising. (Rus.).
- Levina, L.M. (1996). *Ethnocultural history of the Eastern Aral Sea region in I millennium BC — I millennium AD*. Moscow: Vostochnaia literatura RAN. (Rus.).
- Litvinskii, B.A. (2001). *Temple of Oks in Bactria (Southern Tajikistan): Bactrian weapons in the ancient Eastern and Greek context*. Moscow: Vostochnaia literatura. (Rus.).
- Malashev, V.Iu. (2000). Periodization of belt sets of the late Sarmatian time. In: *Sarmaty i ikh sosedi na Donu*. Rostov-na-Donu: Terra, 194–232. (Rus.).
- Matrenin, S.S. (2017). *Equipment of nomads of Altai (II century BC — V century AD)*. Novosibirsk: SO RAN. (Rus.).
- Matrenin, S.S., Tishkin, A.A. (2007). The experience of identifying local-territorial groups of the population of Gorny Altai in the Xiongnu period (based on materials from funerary monuments). In: *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, (3), 102–115. (Rus.).
- Molodin, V.I., Chikisheva, T.A. (1990). Burial of a warrior of IV–V centuries. AD in Baraba. In: *Voennoe delo drevnogo i srednevekovogo naseleniya Severnoi i Tsentral'noi Azii*. Novosibirsk: IIFIF SO AN SSSR, 161–179. (Rus.).
- Neverov, S.V., Mamadakov, Iu.T. (1991). Problems of typology and chronology of longline arrowheads in Southern Siberia. In: *Problemy khronologii v arkheologii i istorii*. Barnaul: Altaiskii universitet, 121–135. (Rus.).
- Nikolaev, N.N. (2000). Belt sets from the burial ground Kokel. In: *Mirovozzreniye. Arkheologiya. Ritual. Kul'tura*. St. Petersburg: SPbGU, 70–85. (Rus.).
- Pankova, S.V. (2003). Burials of the middle of the 1st millennium AD in Western Tuva. In: *Drevnosti Altaia*, (11). Gorno-Altaysk: GAGU, 92–106. (Rus.).
- Samashev, Z.S. (1987). Monuments of the Kulazhurga type. In: *Arkheologicheskie pamiatniki v zone zatopeniya Shul'binskoi GES*. Alma-Ata: Nauka, 95–114. (Rus.).
- Seregin, N.N., Matrenin, S.S. (2016). *The funeral rite of the nomads of Altai in the II century BC — XI century AD*. Barnaul: Altaiskii universitet. (Rus.).
- Seregin, N.N., Matrenin, S.S. (2020). *Social history of the population of Altai in the era of nomadic empires (II century BC — XIV century AD): based on materials from archaeological complexes*. Barnaul: Altaiskii universitet. (Rus.).
- Seregin, N.N., Tishkin, A.A., Matrenin, S.S., Parshikova, T.S. (2020). New materials for the study of long-range weapons among the population of the northern Altai in the Rouran time. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, (3), 99–118. (Rus.).
- Seregin, N.N., Tishkin, A.A., Matrenin, S.S., Parshikova, T.S. (2022). Extraordinary burial of a teenager with military equipment from the Choburak-I necropolis of the Rouran period (Northern Altai). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (1), 122–133. (Rus.).
- Shul'ga, P.I. (2003). Gilevo-10 burial ground as a monument of the end of the early Scythian time. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii. T. IX. Ch. I*. Novosibirsk: IAET SO RAN, 521–527. (Rus.).
- Simonenko, A.V. (2004). Chronology and periodization of the Sarmatian monuments of the Northern Black Sea region. In: *Sarmatskie kul'tury Evrazii: Problemy regional'noi khronologii*. Krasnodar: Firma NSS, 134–173. (Rus.).
- Soenov, V.I. (2017). Narushennoe voinskoe pogrebeniye na mogil'nike Verkh-Uimon. In: *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii*, (8). Gorno-Altaysk: GAGU, 117–142. (Rus.).
- Solov'ev, A.I. (1987). *Military affairs of the indigenous population of Western Siberia: Middle Ages*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Sorokin, S.S. (1969). Big Berel Kurgan (Complete edition of materials from excavations in 1865 and 1959). In: *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha: Kul'tura i iskusstvo narodov Vostoka. T. X*. Leningrad: Sovetskii khudozhnik, 208–236. (Rus.).

Surazakov, A.S. (1988). *Gorny Altai and its northern foothills in the Early Iron Age: Problems of chronology and cultural delimitation*. Gorno-Altai: Gorno-Alt. otd. Alt. kn. izd-va. (Rus.).

Teterin, Iu.V. (1995). Belt sets of the Hun-Sarmatian era of Gorny Altai. In: *Problemy okhrany, izucheniia i ispol'zovaniia kul'turnogo nasledia Altaia*. Barnaul: Altaiskii universitet, 131–135. (Rus.).

Tishkin, A.A., Matrenin, S.S., Shmidt, A.V. (2018). *Altai in the Xianbei-Rouran time (based on the materials of the Stepushka monument)*. Barnaul: Altaiskii universitet. (Rus.).

Trifanova, S.V., Soenov, V.I. (2019). *Ornaments of the Altai population of the Hun-Sarmatian period*. Gorno-Altai: (Rus.).

Tur, S.S., Matrenin, S.S., Soenov, V.I. (2018). Armed violence among the pastoralists of the Altai Mountains in the Hunno-Sarmatian period. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, (4), 132–139. (Rus.).

Vadetskaia, E.B. (1999). *Tashtyk era in the ancient history of Siberia*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. (Rus.).

Zasetskaia, I.P. (1994). *The culture of the nomads of the southern Russian steppes in the Hunnic era (late 4th — 5th centuries AD)*. St. Petersburg: Ellips. (Rus.).

Серегин Николай Николаевич, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>

Тишкин Алексей Алексеевич, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>

Матренин Сергей Сергеевич, <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>

Паршикова Татьяна Сергеевна, <https://orcid.org/0000-0001-5078-8244>

Сведения об авторах:

Серегин Николай Николаевич, доктор исторических наук, заведующий лабораторией древней и средневековой археологии Евразии, Алтайский государственный университет, г. Барнаул.

Тишкин Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии, этнографии и музеологии, Алтайский государственный университет, г. Барнаул.

Матренин Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, Алтайский государственный университет, Барнаулский юридический институт, г. Барнаул.

Паршикова Татьяна Сергеевна, кандидат исторических наук, заместитель директора музея археологии, Алтайский государственный университет, г. Барнаул.

About the authors:

Seregin Nikolai N., Doctor of Historical Sciences, Head of the Laboratory of Ancient and Medieval Archeology of Eurasia, Altai State University, Barnaul.

Tishkin Aleksey A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Archeology, Ethnography and Museology, Altai State University, Barnaul.

Matrenin Sergey S., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Altai State University, Barnaul Law Institute, Barnaul.

Parshikova Tatyana S., Candidate of Historical Sciences, Deputy Director of the Museum of Archeology, Altai State University, Barnaul.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 05.12.2022

Article is published: 15.06.2023